

О СПОСОБАХ ВВЕДЕНИЯ И ПРИЕМАХ ТОЛКОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ БЕЛОРУСИЗМОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В кругу проблем стилистического употребления лексических белорусизмов интерес представляют вопросы о способах введения и возможных приемах семантизации белорусского лексического материала в русскоязычной художественной прозе. Пути их решения довольно разнообразны и, как правило, определяются индивидуальными художественно-стилевыми особенностями творчества того или иного писателя. Вместе с тем можно отметить наиболее типичное в решении данных вопросов.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что белорусские слова вводятся в русскоязычный текст в разном графическом оформлении. Здесь по-прежнему актуальным остается замечание Г.П.Ижакевич, сделанное по поводу графической передачи украинизмов: "В русском литературном языке до этого времени не существует единого выработанного, общепринятого принципа графической передачи элементов украинского языка" (1, 260).

Действительно, одним из способов введения лексических белорусизмов является их передача графическими средствами белорусского языка. В подобных случаях слова сохраняют свой графемно-фонетический, а также орфографический облик. Чаще всего это наблюдается тогда, когда они употребляются во фразе, полностью построенной по законам белорусского языка, например, в прямой речи персонажа: *Скажы ўсім дзецям, Лёнік, што ты зрабіў з гэтай чырвонай анучай?* (Тарас. Прощальные костры). Отчасти такого рода вкрапления свойственны и авторской речи: *Уже засыная, услышал, как где-то "кайкнула" кошка* (Кудинов. Яворы).

Другим способом введения белорусских слов в русскоязычный художественный текст является воспроизведение их графическими средствами русского языка. При этом в одних случаях лексические белорусизмы могут подаваться в русском графическом оформлении, но полностью или частично сохранять фонетические и грамматические (отражаемые в написании) белорусские черты. В тексте такие слова используются писателями для передачи особенностей речи персонажа-белору-

са: *Ну дык вось, калі нашы зяниткі збілі гэтага чорта, ён у балота і будтыхнувся* (Могильный. До особого распоряжения).

В большинстве же случаев лексические белорусизмы, вводимые в русскоязычный художественный текст, оформляются графическими средствами русского языка в соответствии с существующими в нем орфографическими правилами, фонетическими и грамматическими нормами. Например: *батька* (бел. *бацька*), *батьковщина* (бел. *бацькаўшчына*), *конюшина* (бел. *канюшына*), *коханье* (бел. *каханне*), *молодик* (бел. *маладзік*), *наставница* (бел. *настаўніца*), *старшина* (бел. *старшыня*) и др. Однако такой принцип графической передачи элементов белорусского языка в ряде случаев писателями не выдерживается. Встречаются его нарушения в виде ничем не обусловленных графических изменений формальной стороны белорусских слов. Это приводит к непропорциональному искажению их звукового облика. Особенно негативно отражается такого рода графическая передача лексических белорусизмов на восприятии их лицами, которые не владеют (или недостаточно хорошо владеют) белорусским языком. Например: *Терушится* (ср. бел. *церусіцца*), *ползет и липнет к телу солома* (Козько. Повесть о беспризорной любви); *...то я увижу слева около двери на лавке деревянный цебер* (ср. бел. *цэбар*) *для воды* (Павленок. И нет дороги назад); *Звенели, готовые лопнуть, проволочные натяжки оглобель, так называемые отоси* (ср. бел. *атосы*) (Родченко. Куцаха); *...за исключением обнахалившейся Настьки: та эслуткала* (ср. бел. *эслукціць*) *рюмку за рюмкой* (Скобелев. Кристина).

Следует отметить и то, что вследствие генетического родства и близости систем белорусского и русского языков многие лексические белорусизмы вообще не нуждаются в каких-либо графических или фонетических изменениях для того, чтобы функционировать в русском тексте. Поэтому при введении таких слов в русскоязычный художественный текст их форма остается неизменной, ср.: бел. *мова, бусел, бульба, певень, кош, крама, пуга, услон, лазня, грубка* и др.

Лексические белорусизмы, введенные в художественный текст на русском языке, могут формально маркироваться. В этом случае писатели наиболее часто обращаются к таким приемам ситуативно-контекстного выделения белорусской лексики, как употребление кавычек, различного рода ссылок, подача шрифтом в разрядку, обозначение в слове ударения. Использование различных формальных маркеров (особенно в авторской речи) демонстрирует осознанность употребления белорусских слов, подчеркивает их функциональную нагруженность.

Источником разнообразных стилистических эффектов может стать и такой способ введения белорусской лексики в художественную ткань

произведения, как ее употребление в одном предложении или в близлежащем контексте со своим русским синонимическим соответствием. Например, возникновение белорусско-русских лексических параллелей может обуславливаться прямой речью персонажа и авторским текстом. Двухязычные номинации являются здесь следствием ориентации на разных субъектов речи (автор, персонаж) с присущими каждому из них речевыми навыками: *Сели за стол. Дружно потянулись за исходившей аппетитным парком картошкой...*

— *Бульба, как сахар, рассыпается в руке* (Глушаков. Цветение калины);

— *Дык ён ковырялся, ковырялся, мотал головой, мотал, даялся, ажно окуляры свалились.* — *Баба показала, как свалились у немца очки* (Кудинов. Сага о картошке);

— *Паночки, отдайте им клунок,* — *протягивала она узелок полицаям* (Ялугиц. Камни Млечного пути).

Использование в одном контексте белорусско-русских лексических параллелей способствует (хотя и косвенно) прояснению значения лексических белорусизмов.

Рассматриваемое введение белорусских слов может дополняться их непосредственным толкованием в авторской речи:

— *Лапики. Лапики.* — *Мама неодобрительно качала головой.*

“*Лапики*” — по-белорусски “заплатки”. *Сжатые маленькие поля и в самом деле были как заплатки разного цвета* (Коваленко. А война была рядом);

— *Что, пастушок?* — *засмеялась она.*

— *Не догнал? Ото жэ! Я спрытная девка! Меня детюки догнать не могут, не то что ты!*

И он тоже засмеялся, поняв, что спрытная — это значит прыткая и ловкая, быстрая, а детюки — парни, как понимал все незнакомые ему белорусские слова, если их произносила Кристина (Тарас. Прощальные костры);

— *А знаешь, кому она светит? Закоханым!..*

Стасик еще ниже нагнул голову, ковыряя босой ногой землю, и слово это — “закоханым” — словно разрасталось у него в груди непонятной тревогой и болью. “Закоханые” — значит влюбленные (Там же).

Приведенные примеры наглядно демонстрируют ту тесную взаимосвязь различных способов введения и приемов толкования белорусских слов, которую обнаруживают в ряде случаев русскоязычные тексты художественных произведений. В целом, если непосредственно обратиться к возможным приемам толкования белорусской лексики в русскоязычной художественной прозе, следует отметить то боль-

шое внимание, которое уделяют многие писатели семантизации белорусских слов.

В одних случаях семантика лексических белорусизмов может раскрываться в подстрочных примечаниях. Приведем в качестве примера сноски различной структуры и содержания², которыми пользуются писатели для объяснения белорусских слов, включенных в авторскую речь: *И мать вспоминает ранние грозы с блисковицей (Блисковица (бел.) — очень частая молния без грома), посекашей яблоневый цвет...* (Глушаков. Академический отпуск); *Еще вчера, проходя под тополем с буслянкой (Гнездо буслов, аистов), можно было угодить под упругую струю птенцов* (Кудинов. Яворы); *Старший из них Иосиф, имевший благодаря своему сталинскому имени прозвище Лепшы Дорадчик (то есть лучший советчик. Белорусский поэтический штамп в стихах о Сталине), уступал младшему Василию* (Родченко. Символ веры).

Для других случаев семантизации лексических белорусизмов характерно включение комментария непосредственно в текст художественного произведения, что обычно положительно расценивается исследователями, так как данный прием способствует не только восприятию читателем национальной лексики при ее понятийно-семантическом сближении со словарем русского языка, но и усиливает эмоциональную окрашенность, образность контекста. Семантика белорусского слова раскрывается здесь двумя основными способами: 1) при поддержке русского эквивалента; 2) при помощи перевода в тексте без поддержки русского лексического соответствия. В целом это соответствует двум традиционным способам лексикографического толкования — синонимическому и описательному.

Чаще всего писатели пользуются первым из указанных способов толкования слов. В соответствии с ним большинство белорусских лексем разъясняется указанием в тексте на русский эквивалент. «Фактически любой перевод слова на другой язык с помощью односемантного соответствия, — по мнению украинских лингвистов, — строится на основе функции синонимического уточнения (3, 243). В синтаксическом плане компоненты, используемые в функции синонимического уточнения, оформляются по-разному. Белорусский и русский синонимы, объединенные в одном контексте, могут быть расположены контактно и сочетаться бессоюзной связью. При этом в одних случаях лексический белорусизм поясняется посредством русского синонима: *Но говорил он от имени старшини, председателя* (Попов. Рассказы о любви). В других случаях лексический белорусизм может располагаться после соответствующего русского синонима и выступать как его пояснительный эквивалент. Подобная лексическая параллель выполняет в первую оче-

редь определенное стилистическое задание, и поэтому само толкование белорусского слова носит здесь косвенный характер: *Затем броса-ла рваный полушубок прямо на пол — на подлогу, — говорила...* (Бойко. Кольшины годы). При таком расположении белорусского и русского синонимов возможны подчеркивающие характер уточнительности слова, которые могут указывать на то, что один из них принадлежит белорусскому языку (“называются по-белорусски”), употребляются в Беларуси (“как говорят в Белоруссии”), или обобщенно называть место распространения данного синонима (“по-нашему”, “по-местному”, “как здесь говорят” и т.п.): *И действительно, пройдя небольшую излучину, они увидели у берега помост из гладких жердей, мосточки, на которых деревенские женщины полощут белье, — такие мосточки называются по-белорусски кладки* (Тарас. Прощальные костры); *И плетеное лукошко стояло на берегу, кошик, как говорят в Белоруссии* (Там же); *На огороде Михайловича по засаженым рядным грядкам важно вышагивает аист — бусел по-местному* (Глушаков. Семена).

В данной функции возможно использование не только синонимов-слов, но и словосочетаний. Подобное употребление наблюдается при толковании безэквивалентной лексики. В таком случае с помощью словосочетания расшифровывается, уточняется семантика описываемой реалии или явления: *Вспокоенная хозяйка... митусливо вернулась к Кристине, мокрою клюшкой осевшей на услончике, короткой лавке у порога* (Скобелев. Кристина); *Поставили реденько столбы — шула, стропила подняли, толокой, всем миром, набили кольев, оплели лозой* (Мяло. Отлучка); *Левой рукой она прижимала к себе узкогорлый кувшин-гличик* (Ялугин. Камни Млечного пути).

С рассмотренными приемами семантизации сближается и такой прием толкования белорусских слов, когда непосредственно за объясняемым словом в скобках помещается его русский эквивалент: *Он усмехнулся и стукнул кийком (своей палочкой) по камешку* (Кудинов. Дед Константин Копелев). Отмечены случаи, когда в скобках может располагаться белорусский эквивалент: *...а на пути либо непролазный бурелом, либо черно-сизое от голубики (дурниц) болото* (Кудинов. Яворы).

В пределах функции синонимического уточнения находится и толкование белорусского слова с помощью объединения его в пару со своим русским односемантным соответствием по принципу синтаксического приложения: *Сюда привезли прах трехсот сорока белорусских весак-деревень, которые были сожжены фашистами вместе со всеми жителями* (Павленок. И нет дороги назад); *Дома он оттаивал их на печи и плел красивые корзины-кошики* (Глушаков. Семена).

Помимо бессоюзной связи, односемантные слова обоих языков, объединенные в одном контексте по принципу синонимического уточнения, могут сочетаться союзной связью. В таком случае поясняющие слова связываются с поясняемыми союзами **то есть**, **или** (в значении “то-есть”), **а именно**. При таких парах синонимов также возможны усиливающие, подчеркивающие характер уточнительности слова: *...работы для всех достаточно: и огород ведь надо посадить, и картошку вовремя “обогнать”, то есть окучить* (Кудинов. Яворы); *Кирюха не знал, что этот луг называется пойменным, как не знал, что птицы, которые проносятся низко над водой и печально вскрикивают, касаясь ее крылом, зовутся чибисами, или, по-белорусски, канями* (Тарас. Прощальные костры).

Гораздо реже писатели пользуются другим способом толкования слов — их разъяснением без поддержки русских лексических соответствий. Объяснение белорусской лексики достигается в таком случае с помощью различного рода описаний. Так, в следующих примерах даются описания, раскрывающие сущность явлений, которые названы толкуемыми словами: *Слушайте, ежели не знаете, что это за штука — полендвица. Вырезают вдоль свиной хребтины длинные тяжи толщиной с руку. И, не размалывая на фарш, целиком заправляют их в толстые кишки. Получается дубина с аршин длиной. Потом полендвицу коптят* (Геродник. Поплачем и посмеемся); *Дротовать — значит, продеть у свиньи в лыче, рыле, медную проволоку, по-белорусски — дрот, согнуть кольцом* (Кудинов. Яворы).

Таким образом, произведения русскоязычной художественной прозы Беларуси обнаруживают разнообразные способы введения и приемы толкования белорусской лексики. Благодаря умелому применению, они носят не только прагматический характер (способствуют ознакомлению широкого читателя с белорусским языковым материалом), но и становятся источником различных стилистических эффектов, способствуют реализации художественных функций лексических белорусизмов в русскоязычном тексте.

Литература и примечания:

1. *Ижакевич Г.П.* Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу. — Київ: Наук. думка, 1969.
2. Содержание сноски приводится в скобках после семантизируемого белорусского слова.
3. *Функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении / Г.П.Ижакевич, В.В.Иванов, С.Н.Дмитренко и др.* — Киев: Наук. думка, 1981.